

Личность и общество в философской концепции Вл. Соловьева

Каждая незаурядная личность отличается от простого, обычного человека разнообразием интересов, широтой и глубиной знаний, оригинальностью мыслей и действий, способностью находить нетрадиционные решения простых и сложных проблем. Именно такой личностью был русский мыслитель второй половины XIX ст. Вл. Соловьев. Многоаспектны сферы приложения его творческих усилий – философия, религия, мораль, эстетика, литература, публицистика, общественная и преподавательская деятельность. Его наследие отличается глубиной и необычностью, определенной сложностью и некоторой категоричностью суждений, удивительным сочетанием мистики и строгих логических аргументов, религиозной веры и философского разума, стремлением изменить мир к лучшему и неспособностью реально осуществить это на практике, страстным желанием философски "оправдать" добро и констатацией массового торжества зла, постоянным поиском истины и пониманием всей сложности этого процесса. Мыслитель искал истину не только путем теоретических размышлений, но и практикой собственной жизни, окунаясь в самые разные сферы индивидуального и общественного бытия. В творчестве Вл. Соловьева, как, кстати, и образе его жизни, много контрастного. Внутренняя замкнутость этого человека, некая угрюмость, душевные противоречия и ощущение собственного одиночества, экзальтированность и непритязательность в быту сочетаются с удивительной любознательностью и открытостью родным и близким, личным обаянием, душевной чистотой, правдолюбием, общительностью, бодростью духа и максимализмом. И в жизни, и в творчестве Вл. Соловьев умел сочетать несочетаемое. Это получалось у него как-то по-особенному легко, без чрезмерных усилий, без назидательности, нередко с долей иронии и жизненной теплоты. В работах мыслителя органически переплетены религиозное и светское, индивидуальное и общественное, чувственное и рациональное, вера и разум, добро и зло.

Смысловым стержнем философского наследия Вл. Соловьева есть поиск человеком путей к Богу и утверждение особого состояния бытия, получившего название "Богочеловечество". Чем бы Вл. Соловьев не занимался, в своих работах он постоянно обращается к вопросу взаимоотношения личности и общества. Он хорошо понимал, что при всей важности идей и идеалов в жизни человека, религиозных в том числе, именно общество является той средой, которая способствует разворачиванию индивидом своих сущностных сил или, наоборот, сдерживает этот процесс. Вопрос о характере взаимоотношений между личностью и обществом крайне важен в теоретическом плане, но во сто крат он важнее в плане практическом. Период творческой зрелости Вл. Соловьева – время сложных и неоднозначных трансформаций российского социума, требовавшее новых подходов к осмыслению источников и движущих сил индивидуального и общественного развития и переосмысления жизненных приоритетов. Становится ясно, что во всех сферах общественной и личной жизни накопилось слишком много проблем, сдерживающих утверждение прогрессивных тенденций. Вл. Соловьев пытался, в меру своих сил и способностей, теоретически осмыслить происходящее и предложить пути выхода из сложившейся ситуации. Правда, они во многом наивны и абстрактны, касаются сферы духа, а не чувственно-практической деятельности человека, во многом оторваны от реалий и потребностей российской действительности.

Идея внутренней взаимосвязи личности и общества проходит красной нитью через все творчество Вл. Соловьева, особенно в его размышлениях на философскую и моральную проблематику. Он последовательно отстаивает мысль, что «... нельзя ... противопоставлять личность и общество, нельзя спрашивать, что их этих двух есть цель и что только средство» [6, 281]. Интересно, что о личности, ее становлении, развитии и функционировании философ пишет значительно меньше, чем об обществе, человеческой истории, ее отдельных этапах и проявлениях, человечестве в целом. Исключение становятся, пожалуй, страницы произведений, где речь идет о религии и морали.

Соловьевская личность живет и творит в социуме, связана с другими личностями множеством разнообразных нитей, воспринимает их влияние и проявляет собственную активность по отношению к ним. Ее бытие в мире наполнено конкретным смыслом и подчинено достижению высшей цели - «Царства Божия». Именно так, по Вл. Соловьеву, достигается высшее добро, благо и блаженство. Каждый человек - средоточие бесконечного содержания, его потенции и возможности громадны. Насколько удастся их реализовать, зависит от многих факторов, имеющих как объективную, так и субъективную природу. Философ акцентирует внимание на активную сторону человека-существа разумно-познающего и нравственно-действующего. Важную роль в жизни личности, достижении ею поставленных целей, он отводит опыту, как накопленному каждым человеком, так и тому, который имеет объективный характер и передается от поколения к поколению. Человеческая история - это удивительное переплетение личного и общественного. При всей важности индивидуализации личности, она не имеет права на монополизацию своего положения в социуме. Точно так, как последний, выступая условием бытия и развития человека, не должен препятствовать его совершенствованию. В философской концепции Вл. Соловьева «... относительно множественности единичных лиц общество не есть их арифметическая сумма или механический агрегат, а нераздельная целостность общей жизни, отчасти уже осуществленной в прошедшем ..., отчасти осуществляемой в настоящем ...» [6, 284]. «... В жизни личной все *действительное* ее содержание получается чрез общественную среду и так или иначе обусловлено ее данным состоянием. В этом смысле можно сказать, что *общество есть дополненная или расширенная личность, а личность - сжатое, или сосредоточенное, общество* » [6, 285-286].

Для Вл. Соловьева очень важно, чтобы личность не просто участвовала в жизни социума, а делала это свободно, по внутреннему желанию, с достоинством. Общее дело нужно выполнять как свое собственное, с осознанием его значимости для всех и самого себя. Реализуя собственный потенциал, человек способствует раскрытию внутренних возможностей

социума. На человеческую историю философ смотрит как на дело лично-общественное. Поэтому так важно не ограничивать личность, не ставить ей преграды в развитии, а всячески способствовать раскрытию собственного "Я", свободного и полноценного внесения его в мир. В самостоятельности личности Вл. Соловьев видит основания крепости общества. Человек – существо несовершенное. Вряд ли найдется хотя бы один серьезный исследователь, не согласный с этим тезисом. Несовершенство – предпосылка и условие активности индивида в направлении изменения как самого себя, так и общества, являющегося продуктом совместной деятельности людей. В этом несовершенстве скрыты истоки и возможности как прогресса, так и регресса. В каком направлении и как именно будет развиваться действительность, личность и общество в первую очередь, зависит прежде всего от человека. Эту мысль в разных вариациях Вл. Соловьев последовательно проводит через многие свои работы. Обосновывая и развивая учение о двух видах бытия – абсолютном и становящемся - он отстаивает позицию, согласно которой человеческая жизнь, как в ее родовом, так и в индивидуальном проявлениях, – это сложный путь восхождения к абсолютному, божественному. Путь сложный и тернистый, с многими соблазнами, уводящими в сторону от главной дороги, нередко ведущими в тупик, путь, который достойно способен пройти лишь человек глубоко и искренне верующий в Бога и свои силы. «Изо всех земных существ один человек может относиться к себе самому критически ... в смысле сознательной отрицательной оценки самого способа своего бытия и основных путей своей жизни, как не соответствующих тому, что должно быть», «человеку естественно хотеть быть лучше и больше, чем он есть в действительности ... » [4, 629]. Согласно взглядам Вл. Соловьева, человек – это форма, способная бесконечно самосовершенствоваться. Причем, в каждом конкретном случае имеет место конкретная степень развития личности. Одновременно не стоит забывать, что в некоторых работах, особенно «Идее человечества у Августа Конта», философ проводит мысль о незначительности отдельного индивида перед лицом всего человечества. И он, естественно, прав.

Как бы ни был велик человек своими мыслями и действиями, какой бы след не оставил в истории, он всегда будет песчинкой в громадном колесороте событий. Масштаб деяний личности, даже выдающейся, не сопоставим с масштабом деяний поколений и человечества в целом. Но при этом совершенно недопустимо необоснованное насилие социума над личностью, сознательное игнорирование её потребностей и интересов. История убедительно свидетельствует, что общественный прогресс не имеет другого пути, как через прогресс на уровне каждого конкретного субъекта. «Окончательная единица человеческого общества есть личность, и она всегда была деятельным началом исторического прогресса ...» [6, 295]. «Прогресс общества не есть дело безличное» [6, 294]. Общество полноценно развивается лишь там и тогда, где высшей ценностью провозглашается свободное развитие человека.

У Вл. Соловьева мир реального общественного бытия рассматривается как находящийся в пути к слиянию с бытием абсолютным. Будущее всеединство во многом зависит от Божественной премудрости (Софии), выступающей побудительной силой самосовершенствования как человека, так и общества. При этом ни общество, ни человек не рассматриваются философом как некий костный материал, своеобразный пластилин, из которого София «лепит» по собственному усмотрению желаемое всеединство. Оно во многом «... зависит *также* и от нас самих» [4, 629]. В соловьевской философии трансцендентное и реальное, с одной стороны, разделены, существуют сами по себе, а другой – внутренне взаимосвязаны, близки друг к другу. Человек способен к самодеятельности, обладает безусловной свободой выбора, выстраивает поведение согласно внутренним побуждением. Крайне важную роль в данном процессе, по глубокому убеждению философа, играет мораль. Он смотрит на историю человеческого рода как на прогресс. «... Вся история только о том и говорит, как собирательный человек делается лучше и больше самого себя, *перерастает* свою наличную действительность, отодвигая ее в прошедшее, а в настоящее вдвигая то, что еще недавно было чем-то противоположным действительности – мечтою, субъективным идеалом, утопией» [4, 629].

В соловьевской философии подлинное, истинное бытие человека невозможно вне религии. Она обеспечивает и выражает его связь с безусловным началом всего сущего. Вне этой связи, без глубокой, самоотверженной веры в Бога человек не способен самореализоваться в мире природного и общественного бытия, созидать добро и результативно бороться со злом, достигать желаемого, наполнять личную жизнь и жизнь других людей высоким смыслом. «Безусловное, Божественное должно быть для человека всем; ... религия должна быть для нас всем во всем: для всякого, кто признает религиозное начало, религия должна приобрести всеобъемлющее, центральное значение» [2, 77]. Религиозно верующий человек и общество, выстраивающее свою жизнедеятельность по канонам христианства, имеют, по Вл. Соловьеву, одну и ту же цель – Богочеловечество. Без такого стремления к Абсолюту жизнь теряет смысл, блекнет, превращается в унылое, серое существование. Созидание Богочеловечества путем самосовершенствования человека и общества – это главное, и, по сути, единственное дело, которым люди должны быть заняты на протяжении всей своей жизни. К сожалению, при всем своем таланте, Вл. Соловьев пути переустройства действительности, общественной в том числе, видит лишь в сфере духовной, в первую очередь религиозной, и почти не принимает в расчет материальную практику. И это при том, что в своих работах специально обращает внимание на пропасть, существующую между трудом и капиталом, на эксплуатацию человека человеком, следствием которой есть богатство одних и бедность других. Выстроенная им философская конструкция, в которой так много внимания уделяется религии и морали, берет верх над реалиями чувственно-практической действительности. Далеко не последнюю роль в этом играет мировоззрение самого Вл. Соловьева, проникнутое религиозным мистицизмом.

Исследователь творчества философа В.Ф. Асмус говорит о «... недостаточности и даже порой наивности... экономических представлений и познаний...» [1, 50] мыслителя, что, естественно, оказывало вполне конкретное влияние на его выводы о движущих силах общественного развития.

Одновременно труды Вл. Соловьева, его литературно-публицистическая деятельность, дискуссии со славянофилами, многочисленными оппонентами показывают, что он довольно неплохо разбирался в перипетиях общественной жизни, в первую очередь российской. Свидетельство тому – размышления философа о природе национализма и его роли в истории, антисемитизме, специфике общественного процесса, роли государства в функционировании общества и др. Критикуя славянофилов за недооценку сил и способностей русского народа, который якобы не желает для себя политических прав, он, обращаясь к опыту русской истории, демонстрирует абсурдность подобных утверждений и их вредность для практики осуществления социально-политических процессов. Подчеркивая момент принудительности в функционировании государства, Вл. Соловьев справедливо отмечает, что без этого нельзя обеспечить равновесие разнонаправленных сил и тенденций, существующих в обществе. Обостренно воспринимая и переживая несправедливость, тотально присутствующую в жизни индивидов, их различных объединений и общества в целом, много думая и рассуждая о будущем человека и человечества, философ сознательно сторонится личного участия в политической деятельности. Он занимает позицию равнодушного созерцателя происходящего. При этом гневно осуждает и критикует одни события и процессы, и яростно поддерживает и защищает другие. В личности Вл. Соловьева, как в фокусе, пересекаются противоречия российского социума, его беды и проблемы, взлеты и падения. Он реагирует на происходящее собственными, весьма своеобразными философскими поисками и активной литературно-публицистической деятельностью. В этом – одновременно и сила, и слабость того, чему Вл. Соловьев посвятил всю свою жизнь. Он смотрел «... на философию не как на отвлеченное познание действительности, но как на особый вид творчества, которое, опираясь на конкретное и целостное познание действительности, своей последней задачей имеет уже не только и даже не столько познание, но прежде всего – пересоздание действительности, возвышение ее до последней ступени реальности и совершенства» [1, 65-66].

Вл. Соловьев весьма критически относится к положению дел в современном ему российском обществе. Оно его не удовлетворяет и, по его убеждению, подлежит существенному изменению. Поскольку «человек – существо социальное, и высшее дело его жизни, окончательная цель его усилий лежит не в его личной судьбе, а в социальных судьбах всего человечества» [1, 95], то личность не может и не должна безучастно относиться к тому, что происходит вокруг нее. Это суждение очень близко мысли французского философа первой половины XX ст. Т. де Шардена о том, что вершина человеческой оригинальности – не индивидуальность, а личность, которая проявляет и реализует себя лишь объединяясь с другими людьми. Социум был и остается пространством реализации каждым человеком своих способностей и задатков, удовлетворения потребностей и интересов. Точно так, как каждая личность отдает обществу и другим людям частичку себя, окружающая социальная действительность обогащает индивида своей энергией и силой. В этом единстве и взаимодействии одинаково важны и значимы обе стороны. Потому-то самосовершенствование каждого конкретного человека должно осуществляться, по Вл. Соловьеву, в общем потоке самосовершенствования общества. Общее не в состоянии достичь уровня зрелости, если незрелыми, несовершенными остаются компоненты, взаимодействие которых его порождает. Не случайно Вл. Соловьев поддает жесткой критике взгляды Л. Толстого относительно индивидуализма в моральном совершенствовании. Достичь состояния Богочеловечества можно лишь при условии объединения усилий всех и каждого в отдельности. Именно в этом русле должен выстраивать свое поведение каждый просвещенный христианин. Это его нравственно-социальная обязанность.

Обращаясь к русской действительности последних десятилетий XIX ст., Вл. Соловьев не видит в ней реальной, конкретной, организованной силы, способной изменить жизнь простых людей к лучшему. Критикуя классовый эгоизм русской буржуазии, он констатирует противоположность интересов городского и сельского населения, отмечая потребительский характер жизни

города, который не только не помогает селу, но и во многом живет за его счет. Социальное зло торжествует. Философ понимает, что так быть не должно, что это противоречит и здравому смыслу, и высшему предназначению человека, и канонам христианства. Поэтому делает вывод, весьма необычный с позиций логики: факт существования нынешнего положения дел нельзя рассматривать как аргумент в пользу его вечности. Со временем ситуация обязательно изменится к лучшему. Вывод касается и России, и Западной Европы. В государстве, где силы зла потеряют свое влияние, недопустимы войны, рабство, принуждение одних народов другими. Но такое общество не наступит само собой. Здесь важно не бездействовать, а быть активным. Вл. Соловьев с резкостью и большим эмоциональным зарядом отбрасывает неприемлемую для него позицию непротивления злу насилием, пропагандируемую Л.Толстым. Одновременно, и это важно не забывать, философ, отстаивая вполне прогрессивную идею пересоздания действительности, в том числе общественной, в своих взглядах остается идеалистом и наивным мечтателем. Центром притяжения его мыслей выступает религиозно-нравственная проблематика.

Негативно отзываясь о социуме своего времени, в котором так много зла, Вл. Соловьев противопоставляет ему «нормальное общество», где «... все составляют цель деятельности для каждого и каждый для всех» [5, 588]. Тезис является перефразированием известного выражения И.Канта о важности рассматривать человека как цель, а не как средство для достижения других целей. Да и Библия говорит о том же. Однако в соловьевском «нормальном обществе» отсутствует корреляция его нравственных установок и экономической жизни. Объясняя отсутствие связи между этими сферами социума, философ приводит весьма неубедительные аргументы. Он апеллирует к так близким ему религии и мистике. Именно религиозные и мистические начала в человеке рассматриваются им как основания нравственности и личности, и общества. Сознательное устранение философом из сферы своего внимания материального компонента бытия общества лишило его возможности

исследовать материальные, в первую очередь экономические, детерминанты духовной составляющей человеческой жизни. Как следствие, его учение, в том числе взгляды на бытие личности и общества, во многом однобоко и уязвимо для критики, весьма слабо проаргументировано и утопично. «Отвергнув (только в мысли) современный общественный строй, Соловьев противопоставляет ему архаическую мечту об идеальной церкви и теократии, то есть о боговластии, осуществляющемся через объединенное во вселенскую церковь человечество» [1, 110]. Она так далека от реалий социальной действительности и так наивна, что позиция философа здесь выглядит очень беспомощной. Преследуя светлую и гуманную цель – переустройство действительности, – он не смог адекватно осмыслить всю сложность общественной жизни и остался в плену своих иллюзий. Это еще один пример и одновременно аргумент в пользу того, что не все добрые и светлые намерения, даже тогда, когда они исходят от честных, умных и талантливых людей, можно воплотить на практике. Здесь не обойтись без аргументированной теории, воспроизводящей действительность во всей сложности ее связей и отношений, единстве объективного и субъективного, сущего и должного.

Вл. Соловьев настолько увлечен собственной парадигмой бытия общества и человека и настолько верен ей, что, обладая несомненным талантом и умом, умудряется не только не видеть внутренней связи между материальной и духовной жизнью общества, но и рассматривает религию и мораль как суверенные, самостоятельные образования, играющие едва ли не ведущую роль в поведении человека и его устремлении в будущее. Аналогично смотрит и на политическую структуру общества, функционирование разнообразных социальных институтов. Эти образования у него нейтральны по отношению к религии и морали, существуют сами по себе. О каком-либо их влиянии на явления духовного порядка философ речи не ведет. Даже удивительно! Талантливый ум становится заложником им же сформулированной схемы. Мыслитель видит коллизии общественной жизни, социально-классовую структуру общества, политические перипетии, насилие капитала над трудом,

противоречия между богатыми и бедными. Пишет об этом, гневно клеймит зло и несправедливость, но при этом ни на йоту не отступает от собственных умозрительных философских конструкций. Как будто проживает две жизни. Одну – на людях и для людей. Другую – в мире собственных философских изысканий, во многом оказавшихся иллюзорными. Этот мир как бы отодвигает на задний план все то, что является важным и значимым для Вл. Соловьева, когда он занимается публицистикой и спорит с оппонентами. Уходя в сферу философских поисков, он отдаляется от реалий действительности, наслаждаясь построением собственного религиозно-философского Дома, в котором жизнь течет по придуманным им правилам. Он конструирует будущее, которое, используя современную терминологию, можно назвать виртуальным.

Утверждая о необходимости пересоздания действительности, Вл. Соловьев совершенно не обозначает хотя бы малейшей связи (даже на уровне потенциалов) между реалиями наличного бытия и тем состоянием, которое он называет Богочеловечеством. Красиво об этом пишет товарищ философа и блестящий исследователь его творчества Е. Трубецкой: «... Земной мир стал для него окончательно прозрачною завесою, сквозь которую он непрестанно созерцал невидимый, запредельный свет горы Фавор. Он заранее видел землю приобращенною и одухотворенною. Но, может быть, именно благодаря этому он не отдавал себе ясного отчета в расстоянии между двумя мирами» [2, 85-86]. Развивая учение о Богочеловечестве, Вл. Соловьев говорит об этом будущем не только как об идеале, но и как о том единственном и одновременно сверхважном деле, которым человек должен заниматься каждый день и час своей жизни. Идейным и смысловым стержнем Богочеловечества является теургия – «... осуществление *дела* божия на земле как в личной, так и в общественной жизни» [2, 84]. Тотально подчиняя все и всех религии, теоретик мечтает о теократическом устройстве социума, в котором религия играет не просто существенную роль, а пронизывает все его сферы, задавая импульс и стратегию их развитию. В таком обществе светское существует лишь номинально, на самом деле оно есть продолжением религиозного, его орудием.

Согласно соловьевскому учению «... в теократии государство становится частью церкви, *социальным телом Христовым*» [2, 90]. Долгое время – до написания в конце своей жизни «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце человеческой истории» – он, хоть и не в полную силу, но все же надеялся на теократическую миссию России. Его умозрительные попытки включить государство, как орган управления обществом, в царство Божие, лопнули, как мыльный пузырь, под давлением опыта брэнной политической жизни России, свидетельствовавшего о неспособности данного социума выполнить возложенную на него философом задачу. Открыто и яростно критикуя национализм, он, все же, не расстаётся полностью и окончательно с его идеями на уровне собственного мировоззрения. Это получилось как-то само собой, исподволь, непреднамеренно, прежде всего из-за надежды на особую роль России в реализации его проекта. Обращение, пусть даже на уровне философских поисков, к российскому обществу и государству с надеждой на миссию этих феноменов в утверждении теократии – едва ли не единственная попытка Вл. Соловьева обратиться к образованиям материального характера для осуществления на практике своих умозрительных конструкций. В последние годы жизни философ очень болезненно переживает неспособность России взять на себя мессианскую роль в созидании теократии во всем мире. Его светлый, наивный романтизм и горячая вера в необходимость торжества такой формы совместной жизни людей, способной возродить добро, постепенно разбиваются косность и отсталость экономической, социально-политической и духовной жизни современной ему России. Ветры исторического времени постепенно задувают пылавший в его душе огонь теократического миропорядка. Хоть и нелегко, но в конце своей жизни, мыслитель расстается с идеей, которая его так долго вдохновляла. Об этом свидетельствуют соловьевские «Три разговора...». Картина будущего, которую он рисует в данном произведении, лишена каких-либо теократических мотивов. Сказанное означает, что взгляды философа на одно из принципиальнейших

положений его учения претерпели в последний период творчества кардинальную трансформацию.

На человеческую историю Вл. Соловьев смотрит как на этап, продолжение сложного космического процесса, осуществляющегося благодаря божественной силе. Сам факт появления человека – своеобразная его вершина. Имея одну общую историю и один источник своего бытия – Бога, все люди разные – но задаткам и способностям, потребностям и интересам, желаниям и целям. Как следствие, существует разделение труда. Философ обращает внимание на организующую роль государства в жизни общества. Однако она второстепенна сравнительно с той ролью, которую выполняют религия и церковь. Более того, государство в своей деятельности обязано всячески способствовать приближению каждого человека к богу. В обществе очень много зла, люди продуцируют его целенаправленно и непреднамеренно. Все попытки победить его заканчиваются, как правило, безуспешно. И хотя эту работу надо делать постоянно, полная победа над злом, по Вл. Соловьеву, возможна лишь в рамках Богочеловечества. Реальный исторический процесс, участниками которого являемся все мы, – подготовка условий к этому желаемому и будущему состоянию. Теоретик имеет собственный, несколько необычный взгляд на возможности использования человеком свободы. Он проводит мысль, что если бы бог сразу одарил человека всей своей любовью, то тем самым отнял бы у него и всю свободу. Индивид был бы лишен возможности выбирать, в том числе между добром и злом, следовательно, и отвечать за свои поступки. Бог потому-то и допускает проявления зла, чтобы все мы учились не подвергаться его искушению, приобретали опыт и его положительную часть распространяли среди других людей. Отличительной особенностью соловьевских взглядов на развитие общества есть многочисленные обращения его к пластам истории человечества – древнему Израилю, Византии, Римской империи, современной ему Европе и России и др., а также множеству конкретных исторических фактов и событий. Как правило, история интересует его в контексте единства светского и религиозного, с

абсолютизацией последнего. Он много пишет, в том числе апеллируя к богословию, теологии, о противоречиях между канонами веры и практикой личной, общественной и государственной жизни.

Конкретные общества, как и история в целом, рассматриваются Вл. Соловьевым преимущественно в двух измерениях – религиозном и моральном. Причем мораль подчинена религии. «... Он подводит исторические факты под моральный критерий, но моральная оценка по содержанию своему... оказывается религиозною» [3, 170]. По другому и быть не может, ведь христианство у него выступает в роли стержня человеческой истории, оно задает ей смысл и определяет вектор развития. Особое внимание философ уделяет древнеизраильскому и древнегреческому обществам. Первому потому, что иудеи – народ богоизбранный, а греки силою таланта своих философов, в первую очередь Платона и Плотина, поднялись до осознания единого бога и сделали много для распространения христианства. По мнению Вл. Соловьева, «... истинная история начинается только с факта земной жизни Христа» [3, 171]. Правда, главное для него в этой истории – не бытие людей, стран, государств, стремления, горести и радости, которые испытывают миллионы, наслаждение, разочарование, взлеты и падения как индивидов, так и их различных объединений, а функционирование религии и церкви. Подлинная человеческая история подменяется им процессом разворачивания христианского учения, его утверждения в сознании людей, становления и функционирования церкви, борьбы с ересями, внутрицерковными конфликтами и т.п. Даже тогда, когда теоретик обращается к реальным фактам, состояниям, процессам личной и общественной жизнедеятельности – любви, войне, эксплуатации, борьбе классов, политическим противостояниям и др., – он все равно сбивается на религиозную стезю, привлекает в качестве инструмента исследования религиозный подход.

Литература

1. Асмус В.Ф. Владимир Соловьев. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. – 208 с.
2. Кн. Евг. Трубецкой. Влад. Соловьев и его дело // О Владимире Соловьеве. Сборник первый. – М.: Типография Императорского Московского Университета, 1911. – с. 75-95.
3. Радлов Э.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. – СПб.: Издательство «Образование», 1913. – 270 с.
4. Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; Примеч. С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1990. – С. 626-634.
5. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; Примеч. С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1990. – С. 581-831.
6. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; Примеч. С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1990. – С.47-580.